РАЗДЕЛ ШЕСТОЙ

Председателем хлебозаготовительной комиссии первой стохатки был Иван Хижняк. Когда-то он жил рядом с нашей хатой. "Товарищу Хижняку" было около сорока лет, был он невысокий, грузный и полуграмотный. Лицо у него было прорезано глубокими морщинами, а густая грязнобеловатая шевелюра, холодные мутнозеленые глаза, полуспрятанные под прикрытыми веками с колючими ресницами, придавали ему какой-то поросячий вид.

Вот такой человек возглавлял хлебозаготовительную комиссию в нашей стохатке. Физическое уродство, казалось, влияло на его умственные и моральные качества. Был он жестокий, грубый и въедливый по натуре, да и манеру говорить имел соответствующую – саркастически-вульгарную или же ограниченую шаблонными официальными фразами. Иногда он пробовал изъясняться по-городскому – нахватался этого, бродя где-то по городам, – но и тогда не мог обойтись без отвратительной брани.

С началом октябрьской революции "товарищ Хижняк" стал единственным на всё наше село большевиком. Как председатель комбеда, он принадлежал к самым рьяным и усердным организаторам революционной власти в селе. Он и после революции остался верным исполнителем партийных начертаний, что сделало его влиятельным сельским начальником, на совести которого была смерть многих уважаемых односельчан.

Вскоре после революции – во время одной из очередных перемен в коммунистической политике – он на какое-то время исчез из села, оставив после себя целый клубок запутанных дел. Неизвестно, где он сновал и что там делал. В селе уже стали по-

немногу забывать о нём, когда вдруг в начале коллективизации он опять объявился.

Организовывая хлебозаготовительные комиссии в стохатках, "товарищ Цейтлин" и его партийные и государственные помощники выбирали себе прихлебателей главным образом из местных оборотней. Хижняк в хлебозаготовительной комиссии – яркий тому пример. Хотя среди членов комиссии были и честные и работящие хозяева, уважаемые в селе, но основной костяк составляли лица с садистскими наклонностями. Кроме "товарища Хижняка", я знал там ещё одного члена, Василия Хоменко, который своим садизмом приобрел дурную славу во всём селе.

Другие члены комиссии не были такими жестокими, как Хижняк и Хоменко, но и они принадлежали к той группе смутьянов, от которых никому в селе не было покоя и добра.

Среди членов комиссии Хижняка особенно выделялся Иван Бондарь – тот самый, который был известен как "товарищ Иуда". Он снова появился у нас в стохатке через несколько дней после разрушения церкви. Поскольку нашей стохатке достался первый порядковый номер, сельскому начальству захотелось сделать её образцом для других стохаток, вот оно и сажало на все должности в ней самых доверенных людей. "Товарищ Иуда" быстро нашёл взаимопонимание с "товарищами" Хижняком и Хоменко.

Эта кучка партийцев и активистов была наделена почти абсолютной полнотой власти в нашей стороне. Их способности оценивались количеством выкачанного у крестьян зерна и числом людей, припряженных в самые короткие сроки колхозу. Выполняя эти задания, они не брезговали никакими методами, поскольку из коммунистических установок тех дней вытекало, что "цель оправдывает средства", а "победителей не судят".

Есть такая украинская поговорка – "Не так паны, как подпанки". Вот такими и были "товарищ Хижняк" и его сообщники, все – простые хлеборобы, но выдвинутые на официальные должности, они аж упивались властью, превосходя друг друга в неслыханных прежде в селе проявлениях безоглядности и жестокости. Их деспотизм и высокомерие, казалось, не знали границ. Работа комиссии велась по тщательно продуманному пла-

ну. "Товарищ Хижняк" с одним пропагандистом и несколькими членами комиссии заседал в штабе своей стохатки. Они вызывали сюда тех крестьян, которые оказались упрямыми или подозрительными, и укрощали каждого индивидуально. "Товарищи" Хоменко и Иуда с остальными активистами стохатки "обрабатывали" коллективным методом десятихатки и пятихатки, хотя не брезговали иметь дело и с отдельными крестьянами. Однако среди методов воздействия на нас у них не было ничего более эффективного, чем постоянные и беспрерывные собрания. Нам приходилось высиживать то на одних, то на других собраниях, собственно, каждый день, включая и воскресенье. А в воскресенье собрания обычно начинались ранним утром и тянулись целый день.

Официальные представители в нашей стохатке и во всех остальных пользовались чётко определёнными методами "обработки" наших голов. Один из них, немудреный, но действенный, назывался на их жаргоне "топтать тропку". Крестьянина вызывали в штаб стохатки и подвергали обычному допросу: почему не вступил в колхоз? И как бы он не отнекивался, вопрос повторяли вновь и вновь. При этом чиновники объясняли ему, что только "враг народа" сопротивляется коммунистической политике и коллективизации, а поскольку "врагам народа" нет места в Советском Союзе, то и у него нет выбора: или вступить в колхоз, или он будет ликвидирован. Потом этому дядьке подсовывали карандаш, чтобы подписал заявление и избавился от хлопот. Некоторые все же подписывали, но большинство отказывались, выискивая самые разные причины и поводы.

Вот здесь и применяли метод "топтания тропки". Крестьянину вручали какую-то записку к руководителю другой, скажем, второй стохатки. А поскольку никто не мог отказаться от выполнения официального поручения, каким бы оно не было, человек вынужден был брать это послание и плелся через полсела. Появившись там, куда был послан, он убеждался, что там его уже ждут. Начинают опять расспрашивать, а он снова должен объяснять, почему он до сих пор не член коллективного хозяйства, после чего ему снова предлагают здесь же подписать заявление. Когда он все ещё сопротивляется, его посылают в другую стохатку, а из той – в следующую и так далее. Из последней

стохатки его отправляют уже в сельсовет, где заседает "товарищ Цейтлин". И здесь снова начинаются все те же долгие надоедливые расспросы: почему да почему?

А время года было зимнее, и мороз был лютый. Все тропинки и дорожки в селе замело снегом. Несчастная жертва вынуждена была порой целую ночь мыкаться по всему селу, оставляя за собою след в глубоком снегу; вот отсюда и название – "топтать тропку". Представители власти применяли этот метод по явно заранее спланированному распорядку. Примерно пятеро крестьян нашей стохатки должны были вот так "топтать тропку" каждую ночь, и около сорока человек, а то и больше из других стохаток прокладывали тропу к штабу нашей. Ночной пейзаж нашего села в те зимние ночи "украшали" измученные фигуры нескольких десятков обречённых, которые медленно плелись сквозь темень и снеговые заносы, дрожа от холода.

Разве что к рассвету попадал такой снеготоп в родную хату, да и то только для того, что найти здесь новую повестку с вызовом на стохатку на следующий вечер. В этот следующий вечер ночная программа становилась несколько разнообразнее. Во-первых, приходилось прождать несколько часов, прежде чем попасть на тот же допрос. Ну что? Одумался? Теперь вступаешь в коллектив? Некоторые отвечали утвердительно, но большинство опять-таки упрямо твердили своё "нет!" Как и прежде, крестьяне выискивали разные отговорки, но теперь начальство даже не выслушивало их – у него не было времени. Не может ли крестьянин немного подождать? Конечно, может, куда он денется, – только не здесь, не в этом помещении: здесь и так полно народа. А вот в овине есть место, ну – почти пустая! Там всего каких-нибудь пятеро или шестеро душ. И бедняга внезапно оказывался в холодном овине, а за ним сразу запиралась снаружи дверь.

Этот приём "убеждения" назывался методом "охлаждения". Униженные, промёрзшие, уставшие от бессонницы и размышлений крестьяне ждали здесь часами. В холодном тёмном овине некоторые начинали осознавать бесперспективность их сопротивления.

Через несколько часов задержанных начинали по очереди приводить из овина в сельсовет и опять подсовывали на под-

4 - 6-2171

пись заявление. Большинство и дальше отказывалось. Тогда, снова по одному – ни в коем случае не группой – их посылали "топтать" ту же самую тропку. Это повторялось и на следующий день, и еще, и еще – пока изнурённые физически и сломанные психически люди не покорялись официальному требованию. А завтра их места в холодном овине и на заснеженной тропке занимали новые жертвы.

В других стохатках людей убеждали ещё и другими методами. Рассказывали о таком случае, имевшем место во второй стохатке. Там партийные активисты вызвали на "соцсоревнование" седьмую стохатку – кто быстрее выполнит план коллективизации. Во время собрания, когда крестьяне всё ещё упорно отказывались вступать в колхоз, председатель стохатки приказал затопить печи и сразу закрыть заслонки, а сам вышел из помещения, поставив на дверях вооружённую охрану. Крестьяне начали угорать, некоторые из них упали на пол, потеряв сознание, пока кто-то не догадался выбить окно.

Неизвестно, победил ли в конце концов тот председатель в "соцсоревновании". Но того, кто выбил окно, судили в народном суде за то, что "вмешивался в действия официальных лиц" и "нанёс ущерб социалистической собственности". Горемыке присудили десять лет лагерей строгого режима, и от него не осталось и следа.

Но хуже всего нас унижали и мучили эти ежевечерние и ежевоскресные собрания. Они, безусловно, предназначались не только для политического и идеологического забивания баков, но и были методом подавления сильного у крестьян чувства независимости. Эти собрания должны были стать рычагами, с помощью которых партия подталкивала крестьян к сотрудничеству с партийными активистами в выполнении планов коллективизации. А официальная пропаганда выдавала эти мероприятия за форму "участия масс в социалистических преобразованиях".

Именно эти собрания и сыграли решающую роль в том, что крестьяне были загнаны в колхозы. Начинались они обычно, пространным докладом о методах коллективизации. После доклада предусматривались выступления, а затем отводилось определённое время на вопросы и ответы. Далее председатель

открывал так называемые "дебаты". Понятно, что эти "дебаты" были ни чем иным, как теми же короткими выступлениями начальников и активистов, ведь крестьяне никакого участия в этом не принимали. А у нас не было никакого выбора: нам приходилось выслушивать эту болтовню до полного отупения.

При этом председатель объявлял следующий пункт повестки дня. Это было преимущественно подведение итогов "соцсоревнования" за предыдущую неделю. Каждый совершеннолетний обязан был принимать участие в соревновании за ускорение темпа коллективизации.

Наше село, как единица, соревновалась с соседним селом. Наша стохатка соревновалась с восьмой стохаткой и одновременно – с первой стохаткой соседнего села. Официальные лица и активисты тоже соревновались между собой, а что касается крестьян – то считалось, что они тоже соревнуются друг с другом.

На собрании ответственный за организацию соревнования сообщал присутствующим, какое место заняло село в соревновании. Но сколько бы людей не было охвачено соревнованием, начальство никогда не выражало удовлетворения нас лишь обвиняли и порицали, и угрожали нам. Его, начальство, удовлетворило бы разве что стопроцентное участие в коллективизации.

Затем председатель вызывал руководителя стохатки, чтобы тот отчитался, на каком месте его стохатка в сравнении с соперничающей и другими стохатками. Когда наша стохатка оказывалась в числе первых, мы имели надежду попасть домой немного раньше. А когда стохатка отставала, приходилось набираться духа для очередной лекции о значении для нас "социалистического соревнования".

Так же придирчиво подводились итоги соревнования в десятихатках и пятихатках и между ними. Подразделению-победителю, то есть десятихатке или пятихатке, которая в течение недели привлекла в колхоз наибольшее количество дворов, торжественно вручали красный флаг, а её активисты объявлялись ударниками и получали официальные похвалы за свою работу. Побеждённые в соцсоревновании подразделения вместе со своим начальством и активом заносилось на "чёрную доску",

что считалось большим позором. Те, кто входил в последние по успехам подразделения села, могли ожидать увидеть вскоре свои фамилии на карикатурах с рисунками черепахи и крокодила. Черепаха символизировала медлительность, а крокодил – враждебность. Хуже всего было оказаться в роли "крокодилов", их воспринимали как врагов коммунистического режима или хуже того – как саботажников. Таких обычно переводили в другое подразделение в своей или соседней стохатке с предупреждением, что за следующий срыв соцсоревнования они будут арестованы или высланы.

Покончив с отчетами подразделений, собрание переходило к итогам хода индивидуального социалистического соревнования. Таким образом соревновались главным образом активисты и функционеры – кто из них лично привлечёт больше людей в колхоз. Каждый должен был встать и доложить о себе примерно по такой схеме: я, такой-то, глубоко сознавая преимущества коллективной системы хозяйствоаания, торжественно обещаю "родной партии и правительству" к следующему воскресному собранию коллективизировать столько-то крестьянских дворов. Затем оратор призывал "товарища такого-то" взять на себя более высокие обязательства. Названный им "товарищ" не имел иного выбора, как принять этот вызов на соцсоревнование, и так запускалась в действие цепная реакция.

Несколько иначе выглядело соцсоревнование среди крестьян. В течение недели перед воскресным собранием активисты пытались "подготовить" к этому мероприятию нескольких крестьян. И вот в воскресенье на собрании такие "накачанные" крестьяне покорно поднимались и произносили затасканные фразы о том, какие они счастливые, что вступают в дружную колхозную семью; затем выступающий призывал "товарища такого-то" (называлась фамилия крестьянина) следовать его примеру.

На следующем воскресном собрании вызванные и те, которые их вызывали на соревнование, отчитывались каждый о своих успехах. Активисты докладывали, сколько новых членов они привлекли в колхоз со времени последнего собрания. Счастливчиков хвалили, неудачников остро критиковали – их предупреждали, обязывали улучшить работу к следующему воскресенью, угрожали "организационными выводами".

После них отчитывались остальные крестьяне. Кто вызвал уже кого-то на соревнование, того оставляли в покое. Зато вызванному нужно было либо принять вызов на соцсоревнование, либо отказаться. Если он отказывался, говорил "нет", то почему? Если "да", то почему он до сих пор не вошёл в список передовых советских граждан, то есть – почему не вступил в колхоз? Это была очень деликатная ситуация для каждого честного крестьянина, который не мог позволить себе роскошь отказаться без объяснения причин или просто послать всё начальство к чёрту, чего ему, безусловно, больше всего и хотелось. С другой стороны, он не мог найти уважительной причины, когда отказывался. Пробормотать "Я ещё не готов!" – вот всё, на что был способен крестьянин. Но этот ответ лишь навлекал на него новые запугивания и принуждения.

Покончив с итогами соревнований, собрание переходило к такому пункту повестки дня, как персональные отчёты. Каждый житель нашей стохатки должен был выступить перед собранием и ответить на вопрос, почему он до сих пор не вступил в колхоз, и объяснить, когда он намерен наконец сделать этот шаг.

Такое собрание затягивалось каждый раз до глубокой ночи, а в воскресенье длилось с утра до вечера. Голодные и запуганные, крестьяне покорно выслушивали всё и покорно отвечали по тысяче раз на одни и те же вопросы, но упорно стояли на своём. Ничто не могло их превозмочь. Во всяком случае, они так думали.

Однако партийные активисты тоже не собирались сдаваться. Они вели войну и знали, что если одна тактика не действует, нужно применить другую. Именно так они и поступили.

В конце февраля и в начале марта 1930 года партийные верховоды проанализировали ситуацию, перегруппировали свои силы, изменили тактику и нанесли сокрушительный удар.

В одно из воскресений мы узнали, что всё начальство стохаток, десятихаток, пятихаток и других подразделений во всём селе – кроме Хижняка, Хоменко и "товарища Иуды" – поменялось. Некоторых из них, чьи подразделения отставали в проведении коллективизации, разослали по соседним сёлам, а к нам тем временем прибыли некоторые активисты из других сёл и

местечек. В незнакомом окружении эти сельские выдвиженцы становились ещё более агрессивными.

Примерно в это же время партийные стратеги ввели в селе новую тактику, которую мы образно назвали "псы грызутся между собой". Теперь те хозяева, которые прежде считались кулаками и так или иначе преследовались, но ещё удерживались в селе, внезапно снискали расположения у партийного начальства и стали массово привлекаться к активной партийно-государственной работе. Новая тактика даже превзошла ожидания её инициаторов. Крестьянам сказали, что они заслуживают расстрела, но партия даёт им последний шанс доказать свою полезность. Их задание состоит в том, чтобы помочь партии и правительству коллективизировать крестьян. Ну и, конечно, если они будут достойны того, то и их самих тоже примут в колхоз. И эти, так называемые, кулаки превратились в самых ярых активистов, потому что их желание показать себя "достойными" побуждало их становиться безжалостными исполнителями партийных предначертаний.

Более того: сами с деда-прадеда крестьяне, они прекрасно знали крестьянскую психологию, потому и проявляли больше выдумки и изобретательности относительно методов и способов заставить своих односельчан покориться партийной политике и требованиям.